

БЮ

КОСМИСТ.

1922 г.

1825^а
24/11 1924.

№ 3—4.

КРЕАТОРИЙ

Российских и Московских Анархистов—

БЮКОСМИСТОВ.

МОСКВА.

ПЕРЕЧЕНЬ:

стр.

1. Александр Святогор. — «Доктрина отцов» и анархизм—биокосмизм 3
 2. Александр Святогор.—Три штиля. 22
 3. От Секретариата К. Р. и М. А—Б. 27
 4. Петр Лидин.—Орех, недоумение и камни. . 29
-
-

„Доктрина отцов“ и анархизм-био-космизм.

1. Для нас, как для поднявших знамя новой идеологии, история анархизма в революции интересна, прежде всего, со стороны его мысли. Мы коснемся основного русла этой мысли, которое хронологически складывается из двух периодов.

В первый период эта мысль встает пред нами, как безусловно верная „доктрине отцов“. Этой доктрине она подчинена всецело и слепо. Как скованная традицией и некритическая, она едина, поэтому термин „единый анархизм“ можно признать удачным для обозначения первого, некритического, периода.

Второй, критический, период складывается в силу неудачи немедленного скачка в анархию. Суровая революционная действительность (иной она не может быть) заставила приступить к пересмотру заветов отцов.

Оба периода обнаружили, с одной стороны, несостоятельность доктрины отцов, с другой—показали несостоятельность анархической мысли, как таковой.—В результате получился тупик, выход из которого, по нашему мнению, дан только в биокосмизме.

2. Анархическую мысль мы берем, как таковую, не касаясь причин (по преимуществу национально-исторических), в силу которых сложились ее основные черты. Мы, в данном случае, стоим

вне задач причинного выяснения ее характера и, тем самым, вне оправдания ее с точки зрения беспристрастного историка. Для нас очевидно, что в революции она оказалась несостоятельной, и потому, с этой точки зрения, она не может быть оправдана.

Основной характерной чертой этой мысли мы считаем ее слабость, незрелость. Все признаки младенческой мысли в ней налицо. В ней слишком слаб и примитивен критический элемент. Она бессильна самостоятельно мыслить действительность со стороны ее содержания. Она не умеет разбираться в смене впечатлений и событий, не умеет в них обнаруживать действие сложного комплекса причин и великих идей. Анализ ее касается только формы; он поверхностен и не реален. Таков же и синтез.

Мысль незрелая и слабая легко подчиняется авторитету. Чем слабее она, тем больше это подчинение, тем уже поле сознания, тем ниже самостоятельность. Анархическая мысль слишком подчинилась авторитету. Доктрину отцов она возвела в vox dei, и стала рабой традиции. Правда, внешне она активна, но эта активность — активность того, в ком индивидуальность подавлена догмой, кто слепо доверился авторитету буквы.

Как слабая и подчиненная авторитету, она не самостоятельна, неоригинальна, однообразна, что особенно наглядно сказывается в ее внешней форме. Она в громкой и трескучей мантии междометий и фраз. Но как однотонна, избита, шаблонна и мертва эта фразеология. Ни одного живого слова, которое могло бы остановить серьезное внимание, обнаружить оригинальность или хотя бы самостоятельность поиска.

Такова, в основных чертах, анархическая мысль первого периода. В дальнейшем, под ударами разочарований, в ней заговорил критический элемент. Но от своего основного порока — веры в непогрешимость скрыжалей прошлого — так и не смогла освободиться. Под прессом традиции она стала малокровной, „доктрина“ охлостила ее, лишила необходимых жизненных соков, чтобы самостоятельно выйти на новую вольную дорогу.

3. В „едином анархизме“ следует различать два цикла: московский и украинский. Оба, при поверхностном взгляде на них, представляют собою как бы два различных по типу анархизма, но, по существу, особенно со стороны мысли, они настолько внутренне связаны, что каждый из них, отдельно взятый, будет недостаточно понятен, представляя собою только часть одного органического целого.

Московский цикл — это время агитации и пропаганды, время анархической фразы, получившей, в силу октябрьских дней, широкую возможность развернуться с трибуны и на газетных столбцах. Это время словесной критики Советской власти. Правда, тогда же, наряду с пропагандой и критикой путем слова, шла критика и пропаганда действием. Но действие, все же, не составляет центра тяжести этой поры, оно было как бы неотъемлемой тенью фразеологии.

Ликвидация московских организаций единого анархизма далеко не является ликвидацией единого анархизма, как идеи и действия. Потерпев неудачу на московской почве, единый анархизм перекинулся на Украину, где пришедший в движение мелкобуржуазный чернозем оказался весьма благоприятным для эксперимента анархии. Что в Великороссии было, по преимуществу, фразой, то здесь становится действием. Но движущая идея остается той же. Она в утопической цели — во что бы то ни стало немедленно осуществить „царство свободы“.

4. Московский единый анархизм сразу и целиком обнаружил все характерные признаки анархической мысли: ее внутреннюю слабость и безусловное подчинение доктрине. Освободившись в октябре от уз молчания, она двинулась по указке отцов. Она не остановилась, не задумалась над вопросом, какова же та действительность, в сферу которой она ворвалась. Не то, чтоб ей некогда было думать, ей незачем было думать. Думать было недопустимым недоверием по отношению к доктрине отцов. Она пришла не затем, чтоб самостоятельно, инициативно, учитывая время и место, размышлять и строить. Она пришла с готовыми принципами и мерой, сколоченными в прошлое вре-

мя и в прошлой обстановке, пришла с твердым намерением действовать согласно указке прошлого. Вот почему для самостоятельной критики вовсе не оставалось места. Что же касается критики Советской власти, то это была критика доктринеров, простой пересказ подходящих страниц Бакунина и Кропоткина, а не самостоятельная оценка.

Отцы утверждали: когда придет революция, все сложится просто и легко в силу присущей человеку солидарности (Кропоткин) или справедливости (Прудон) или путем уяснения всеобщей выгоды (Фурье). Нужно все предоставить самому себе, и анархия, как могущественная и добрая богиня, выйдет из бури революции и утвердится на земле. Так, по методу Манилова, думали отцы; так думала и покорная им раба. Она не уяснила, что реальная действительность требовала иных методов мышления и действия. Она не сумела понять очевидной истины, что всякая попытка изменения существующего строя необходимо ведет к реакции со стороны заинтересованных в сохранении его, и что поэтому разговоры о присущей человечеству солидарности, о всеобщей любви, — во время решительной борьбы двух миров — ничто иное, как вреднейшая иллюзия. Как слабая и как скованная традицией, она не смогла проявить самостоятельности в смысле оценки действительности и приложимости к ней учений прошлого.

Отцы были против диктатуры, значит, диктатура не нужна, вредна. Отцы отвергали всякую власть. Значит между революционной властью и всякой прочей властью должен стоять знак равенства. Базируясь на букве, анархисты обрушились на все мероприятия Советской власти. Они были против революционной дисциплины труда, против организации деревенской бедноты, против организации армии, чем засвидетельствовали полное непонимание задач революции.

И вот что характерно. Среди анархистов тогда не нашлось ни одного, кто бы самостоятельно вдумался в новую действительность, в приложимость к ней старой доктрины. Пресс доктрины настолько придавил индивидуальность, что от последней ни осталось ничего, кроме голоса, пою-

щего в общем тоне. Вот почему в едином анархизме мы вовсе не встречаем оригинальных, самостоятельных людей. Пред нами проходит стадо, где, в лучшем случае, можно отметить только мелкие личности, почти неотличимые от общей массы.

5. С единым анархизмом мириться, особенно, когда он вольно и невольно служил прикрытием бандитскому и белогвардейскому элементу, и терпеливо сносить его в революционной обстановке было нельзя. Но, потерпев неудачу в Велико-россии, он перекинулся на Украину, чтобы там на деле довести себя до абсурда и тем исчерпать себя, как идею и действие.

Единый анархизм на Украине, это решительная попытка осуществить на деле доктрину отцов, создать анархический порядок вещей. Буржуазность социального пласта (крупное крестьянство), долженствовавшего взростить анархию, не может вызывать сомнений. И в этом отношении реализаторы анархии нисколько не изменили теоретикам. Не только Бакуния, но также Прудон и Реклю выказывали особенную любовь к отживающим формам русского общинного хозяйства. Реакционность этой любви несомненна.

Интереснее и важнее всего, что опыт анархии привел к тому, что удачно и не без сарказма определено, как „безвластное властничество“. Опыт анархии привел к власти, что уже выходило из всех пророчеств доктрины, что противоречило доктрине весьма решительно, что означало упразднение доктрины в силу ее практической несостоятельности, что обнажило весь ее утопизм. Корабль, сколоченный Бакуниным, Кропоткиным и другими, руководимый русской анархической церковью, вдребезги разбился на опыте анархии в царстве Махно. И разбился не в силу внешних препятствий, но в силу своей природы.

Корабль разбился, колокол старого анархизма потонул. По этому поводу на страницах анархической прессы прозвучал, как панихида, одинокий голос анархиста (неонигилиста): „мое глубокое убеждение, что укрепляет меня в мысли, что анархическая идеология треснула по всем швам, и ника-

кие заплаточники, штопальщики не смогут связать разорванное, и это бесполезно."

6. Неизбежность критического периода очевидна. Слишком крупны были неудачи, чтобы даже скованная авторитетом мысль не могла не задуматься. Предпосылкой к этому периоду является неудача единого анархизма на московской почве. Когда последний разворачивался на Украине, в Москве уже началась критика. Между прочим, эта одновременность неблагоприятно сказывалась на критике. Мысль, нерешительно ступившая на путь ревизии, не могла не присматриваться к тому, что делалось на Украине. Вот почему, когда опыт в Махновии стал клониться к закату, среди критикующих слышались более решительные голоса.

Если первый период характеризует анархическую мысль, главным образом, со стороны ее упорного доктринерства, подчинения авторитету, фанатического действия по инерции, то второй период обнаруживает ее внутреннюю слабость, бессилие. Насколько в первый период она решительна в действии, настолько во второй период в своей критике она нерешительна, выказывает робость, трусость, творческое бессилие.

На путь критики она вступила не в силу глубоких разочарований в правоте своей идеологии, но под давлением внешних обстоятельств. Если идеология, в результате неудачи московского единого анархизма, дала трещины, то не настолько, чтобы не являлась мысль о заштопывании этих трещин. Нужны были дальнейшие неудачи, чтобы хотя у единиц образовалось сознание, что „анархическая идеология треснула по всем швам". Но когда пришли и последние неудачи, анархическая мысль не обнаружила необходимой силы. Дойдя до сознания (хотя бы у единиц) о банкротстве старой идеологии, она до сих пор остается в ту: пике.

7. Критические попытки, по их точке отправления, можно разделить на две группы. К первой относятся те, которые исходят из мысли, что старая идеология остается в силе, и потому все кри-

тическое дело должно сводиться к пересмотру тактики. Вторую группу составляют отдельные высказывания, исходящие из мысли о необходимости основательного пересмотра не только тактики, но всей старой идеологии. Обе группы оказались несостоятельны. Если первая обнаружила несостоятельность своей критической предпосылки, то вторая—негодность своих выводов.

8. Синдикалисты первые решили, отказавшись от громкой фразы единого анархизма, перейти к положительной работе в строительстве нового общества, ступить на путь массового рабочего движения. Но при этом они полагали оставаться верными „заветам своих учителей М. Бакунина и П. Кропоткина“.

В результате получилось противоречие. Положительная работа в создании нового общества требовала признания основной предпосылки, которая могла обеспечить это строительство, т. е. признание диктатуры. Но заветы отцов гласили, что диктатура ни в коем случае не допустима.

Противоречие могло быть разрешено в том смысле, что учителя в свое время вряд ли могли провидеть объективно необходимые пути строительства нового общества. Но синдикалисты это противоречие разрешили в смысле верности заветам учителей. К тому же Украина питала их веру в эти заветы.

В результате благое намерение логически и практически должно было ступать перед буквой отцов, сойти на нет. Предприятие оказалось негодным, потому что мысль в своей критической попытке сразу же повернулась задом к поставленному вопросу.

9. Универсалисты пошли несколько дальше. Они поняли, что „иной должен быть подход к советскому государству,“ и в связи с этим ставили вопрос: „каково место анархизма в социалистическом государстве, каков его метод в нем?“ Они признали, что старый анархизм не нащупал, не выяснил „метода анархического действия, анархической практики в социалистическом строе,“

почему анархизм в текущей революции оказался безоружным, с голыми общими лозунгами. Вопрос очевидно в том, чтобы найти новый „метод“. Последний „не может быть копией старого метода, потому что иная среда, иные условия, иной строй.“ Его нужно искать самостоятельно, „не надеясь на зарубежных товарищей,“ и не ища разрешения вопроса в „прежней литературе“.

Вопросы эти были формулированы довольно ясно, но недостаточно определенно к тому, чтобы на них могли быть получены удовлетворительные ответы. Нельзя же считать, напр., за положительный ответ голую фразу, что „метод“ должен быть „синтетическим,“ „элементами которого могут быть синдикализм, кооператизм, классовое бунтарство и коммунизм.“ Как и на какой основе элементы такого венигрета могут быть согласованы, и не чувствуется ли здесь все тот же „единый анархизм?“ То же и с „подходом к советскому государству.“ Мысль не разрешила, каким должен быть этот подход.

Мысль оказалась бессильной, потому что точка отправления у нее была та же, что у синдикалистов: доктрина отцов прежде всего. На вопрос, почему анархисты худосочны, бессильны, почему они топчутся на одном месте, универсалисты отвечали: „во всяком случае не потому, что анархическая идеология переживает кризис.“ Предваряя подозрение в новизне, универсалисты заявили, что универсализм отнюдь не новое учение, что старая идеология остается в силе.

Доктрина победила—и попытка оказалась несостоятельной. Ни нового „метода,“ ни определенного отношения к советской власти, ни места в строительстве новой жизни универсалисты не нашли. Метод оказался младенчески неопределенным, отношение к власти колеблющимся. И напрасно мы, биокосмисты, как меньшинство в организации универсалистов, утверждали, что только новая идеология может дать определенные и точные ответы на вопросы, поставленные жизнью. Мысль инертная, зачарованная традицией, к нашим утверждениям могла относиться только враждебно.

10. Из критических попыток второго рода первая принадлежит уже отмеченному неонигилисту, вторая—анархисту Дарани.

Неонигилист, взвешивая теорию и практику анархизма в революции, приходит к таким выводам: анархизм-коммунизм „закрывает пред практикой жизни глаза и не сознает ее разумом,“ синдикализм „покатился по наклонной плоскости... и проживает последние анархические ресурсы,“ индивидуализм же утопичен. „Единый анархизм“, как синтез этих направлений, оставил от „анархизма пустоту,“ превратившись в царстве Махио в „безвластное властничество“. В результате у неонигилиста „глубокое убеждение,“ „что анархическая идеология треснула по всем швам.“ Эти признания старого анархиста весьма знаменательны.

Такой итог является уже достаточной предпосылкой, чтобы, отринув отцов, на изначальной основе всех анархических теорий—личности, построить новую идеологию. Но и тут анархическая мысль осталась верна себе. Установив, что „никакие заплаточники и штопальщики не смогут связать разорванное и это бесполезно,“ неонигилист тотчас же скатывается в вульгарно понятого Штирнера, подогревая его приставкой „нео.“ Уже в этой приставке сказалось творческое бессилие мысли, способной только на громкую фразу.

11. Попытка Дарани более серьезна. Для него несомненно, что „настоящий момент вскрыл до очевидности все дефекты старого анархизма“, что „все области анархизма подлежат ревизии: и теория, и практика, и организационные вопросы.“ Что касается теории, то до сих пор нет „стройного цельного анархического миропонимания“ „Последние данные социологии, экономической науки и социальной психологии“ „для нас являются как будто менее всего ценными.“ Поэтому „научные и философские основы политического анархизма оказались чрезвычайно шаткими. Благодаря этому и учение о классовой природе анархизма слабо развито, что в свою очередь ведет к полной неясности в вопросе о месте и позиции анархизма среди других социологических учений.“ Отсюда:

„одна критика современной действительности без ясного представления о созидательной деятельности—убога.. „Недоговоренность о месте анархического строя в историческом развитии человеческого общества и об объективных условиях его осуществления ведет к невозможности ясно и обоснованно формулировать отдельные и ближайшие задачи и вопросы социально-экономического строительства.“ Столь же плохо дело и в организационном отношении. Таковы „в общих чертах дефекты старого анархизма.“ Их необходимо резко подчеркивать—говорит Дарани—чтобы они были устранены, иначе „вместо анархизма мы будем иметь жалкое худосочное убожество.“

Дарани не ограничивается одним подчеркиванием дефектов. Усматривая последние прежде всего в теории, он в этом отношении намечает выход. Прежде всего необходимо подвести под анархизм философский базис. Правда, старый анархизм не чужд философии, но он все еще живет наследием рационализма 18 века. Это наследие необходимо изжить, заменив его, по мнению Дарани, современной интуитивной философией.

Дарани прав, конечно, что в наше время неосновательно жить философским наследием 18 в. Но видеть выход в интуитивизме, не значит ли идти в ту сферу современных духовных исканий Запада, которые являются показателем крушения основ старого порядка, потрясенного духом революции. Старые идеалы разваливаются, исповедывавшие их умы, не имея силы принять новое, здоровое, стремятся к избавлению в духе, к непосредственному слиянию с абсолютным. Эти современные духовные искания легко вяжутся с философским интуитивизмом, обретая в нем опору. Видеть выход из тупика в интуитивизме, значит определенно идти в сторону противоположную и чуждую революционному классу, сознание которого трезво, бодро, реалистично, позитивно.

В поиске Дарани опять сказалась творческая импотенция анархической мысли. Этот поиск на себе носит все черты отживающего поколения

интеллигенции, порядком зараженного интуитивно-мистической вермишелью ¹⁾).

12. Спор анархической мысли с революцией был спором утопизма с реализмом. Естественно, что утопизм оказался несостоятельным. Революция ударила носителей доктрины отцов прежде всего по тактике. Но, усомнившись в тактике, естественно усомниться и в теории. Мысль пошла дальше, к пересмотру идеологии, и вынуждена была признать, что доктрина „лопнула по всем швам“. А раз так, то ни реставрация, ни реформа не помогут. Но анархическая мысль слишком подчинилась авторитету в ущерб самостоятельному творчеству. В доктрине она, в сущности, спасалась от собственной слабости. Как слабая и подчиненная авторитету, она в своих попытках выйти из тупика потерпела неудачу.

Революция обозначила не только банкротство современной анархической мысли. Она обозначила конец исторического анархизма, потому что новый дух уже не может удовлетвориться старыми концепциями узкими и отсталыми. Этим самым революция обозначила необходимость нового анархизма (теории и практики). Но разрешить кризис, создать новую концепцию и тем указать выход из тупика, может лишь тот, кто не зависит от традиции, кто свободен от авторитета, кто самостоятелен, революционно смел в своем творчестве и оценках.

Биокосмизм мы выдвигаем, как решительную, смелую и здоровую мысль в противовес трусливой и слабой современной анархической мысли и как новую концепцию в противовес доктринам прошлого. Мы, конечно, не питаем особой надежды, что слабая, хотя и усомнившаяся в отцах, мысль придет к нам, примет биокосмизм. Она для этого слишком робка и мелочно самолюбива. Но

¹⁾ Самая решительная попытка — попытка универсалистов-интериндивидуалистов (Гордин). Они признали, что „переходное время не мыслимо без диктатуры“. Отсюда — положительное отношение к советам и радикальный пересмотр вопросов тактики и организации. Что же касается идеологии интериндивидуализма, то она во многих отношениях неудовлетворительна. Вопрос об „интериндивидуализме“ мы оставляем до особого очерка.

мы имеем основания надеяться, что свежие, здоровые, бодрые анархические силы, прошедшие опыт революции, придут и уже идут к биокосмизму.

13. В огне революции построения старого анархизма испытания не выдержали. Но этот огонь не мог и никакой другой никогда не сможет испепелить основной стержень жизни—живую человеческую личность. Если воздвигнутые на этом базисе идеологические постройки, подвергаясь пожару, гибнут, то базис для новых построек всегда останется. В то же время на месте погибших зданий воздвигаются здания более вместительные, грандиозные, отвечающие требованиям времени, а главное, требованиям личности (и общества).

14. Новые постройки требуют расширения базиса. Понятие личности во всех старых анархических концепциях слишком узко. Сужение принципа личности—коренная ошибка анархических доктрин, в силу чего они с первых дней своего бытия были внутренне несостоятельны, и нужно было время, чтобы обнаружилась их иллюзорность.

В старом анархизме проблема личности не была должным образом поставлена. Любая концепция базируется на слишком однобоком, поверхностном понятии личности. Вместо живой личности бралось или социально-политическое лицо, или эгоист (Штирнер), или альтруист (Годвин). А то, якобы научно, устанавливалась малость человека (Кропоткин). Или бралась личность, как бунтарь, разрушитель и тем умалялось ее положительное—творчество, созидание. Словом, бралась не личность, но однобокая абстракция от личности.

Личность бралась в ее статике, в узко очерченном круге от рождения ее до смерти, но не в ее динамике, не в росте ее творческих сил. По отношению к личности всеми анархическими доктринами смерть утверждалась абсолютно. (Странно, что анархическая мысль, протестуя против авторитетов, не восстала против авторитета „натуральной смерти“). Личность бралась вне ее глубочайшей жажды бессмертия, и, следов, вне подлинного творчества.

Старый анархизм имел, в сущности, не положительное, но отрицательное представление о личности. Ему казалось, что он утверждает личность, в сущности же он отрицал ее, выказывал дурное представление о ней, затушевывая живого человека, оставляя его в тени, подменяя абстракцией. Умалая человека и в то же время слишком предоставляя его личной судьбе, анархизм вел его к индивидуальной и социальной катастрофе.

Такова коренная ошибка всех анархических концепций, ошибка в основе. Корень был слишком тощ, и потому сами концепции тощи, однобоки, абстрактны, бесжизненны, утопичны.

15. Мы утверждаем не голое индивидуальное сознание, не социально-политическое лицо, не эгоиста или альтруиста, не маску или абстракцию, но живую человеческую личность. Ее нельзя исчерпать целиком эгоизмом или альтруизмом. Ее не уложить в любую отвлеченную рамку. В основе ее лежит инстинкт бессмертия, жажда вечной жизни и творчества. Она растет в своих творческих силах до утверждения себя в бессмертии и в космосе. Новая концепция должна быть обнаружением, утверждением не абстракции, но живого реального человека.

Человек—это не маленькое существо со смешными претензиями на всеохватывающую беспредельность, как, в свое время, базируясь на коперниковском перевороте в астрономии, quasi научно думал Кропоткин (также думал славянофил Данилевский, а ныне—нашумевший Шпенглер). Пред человеком (человечеством) открываются грандиозные перспективы, каких еще никогда не было. Борьба со смертью уже не является принципиально невозможной (опыты Штейнаха Андреева, Кравкова и др.). Возможность индивидуального бессмертия (иммортализм) уже можно обосновать научно, а завоевания физики и техники дают основания к научной постановке космической проблемы (интерпланетаризм).

16. Высшее благо—это бессмертная жизнь в космосе. Высшее зло—смерть. Мы имеем в виду реальную жизнь и реальную смерть. Все другие блага заключаются в жизни, всякое зло коренится

в смерти. Выдвигая свободу от «естественной необходимости», право человека на вечное бытие в космосе, биокосмизм является проблемой максимальной свободы и максимального права личности.

Высшее благо мы выдвигаем, как то, что необходимо реализовать, — как максимальное творчество. Мы особенно подчеркиваем творческий момент в биокосмизме. Личное бессмертие не дано, оно должно быть завоевано, реализовано, сотворено. Это не восстановление утраченного, как говорит библия, но создание еще небывшего. Не восстановление, но творчество. То же относится и к завоеванию космоса. Иммуортализм и интерпланетаризм—это максимальная, но не конечная цель. Это этапы и средства к безмерно великому творчеству. Но эта цель впереди—и потому она величайшая.

Наша цель (реализация личного бессмертия, жизнь в космосе, воскрешение) исключает мистику, которая бросает в хаос, в пустоту. Это—задача трезво реалистического сознания. Но мы ничуть не отождествляем цели с бытием, не базируемся целиком на данности, — иначе нам пришлось бы отказаться от свободы, от творчества, от личного.

Биокосмизм устраняет скептицизм, развязывает человеческое творчество, сообщая ему невероятную силу, могучий размах. Это маяк, к которому направляется человечество, это фундамент и руководящая нить личных и общественных дел. Это—масштаб человеческих действий. Биокосмизм и только он может определить и регулировать совершенную общественность.

17. Старое общество рушится. Оно переживает «бабье лето», отходит в сумерки, его ждет ужас ночи. Наша задача—создание новой жизни, нового бытия, новой культуры на основе великих целей биокосмизма.

Современное (буржуазное) общество ведет к смерти, базируется на ней. На том основании, что сегодня личность смертна, оно утверждает смерть личности абсолютно. Оно глубоко развращено

формулой: «смерть неизбежна». Эту формулу санкционирует религия и старое научное сознание. Эта формула погасила в человеке дух возмущения против смерти. Утверждая смерть и локализм в пространстве, современное общество тем самым санкционирует все зло социальной жизни. Если так будет продолжаться дальше, то человечеству грозит полное моральное и физическое вырождение. Такое общество должно быть разрушено до основания.

Общество должно быть построено на принципах биокосмизма. Утверждая основное право каждого на вечную жизнь, такое общество не может допустить деления на эксплуататоров и эксплуатируемых, на рабов и господ. Оно гарантирует максимум индивидуального развития и самоутверждения. Оно будет в высшей степени гармоничным, что вытекает из единства идеала составляющих его единиц. Когда идеи биокосмизма станут достоянием каждого (противное невозможно), оно станет безвластным, ибо тогда основная идея общества каждым будет осуществляться свободно.

Мы утверждаем всеединство по отношению к нашей великой цели. Борьба за индивидуальное бессмертие, за жизнь в космосе—это—всеобщая воля. В то же время локализм во времени (смерть) и пространстве неодолим индивидуальными усилиями. Отсюда необходимость социальности. Только единение в великой цели гарантирует победу над смертью и космическим пространством. Борьба за бессмертие и жизнь в космосе—вот подлинная основа новой социальности.

18. В новом обществе люди объединяются не принуждением, но сознанием общности великих задач. Общество, осуществляющее интерпланетаризм, реализующее личное бессмертие, воскрешающее мертвых,—такое общество утверждается каждым, как осуществляющее высшее благо каждого. Общая максимальная цель исключает индивидуальную измену ей ради другой цели, всегда меньшей. Поэтому верность ей незачем обуславливать договором (Прудон и др.).—Здесь личная воля и дело имеют как бы бесконечное повторение в соратниках, в то же время каждый шаг к биокос-

мизму увеличивает индивидуальную мощь. Это общество — „орудие или меч, которым ты заостряешь и увеличиваешь свою естественную силу“. — Как индивидуальность, так и общественность мы утверждаем более, чем кто-либо. Насколько маятник сильнее качнется в одну сторону, настолько больше его отклонение в другую. Насколько мы крайние индивидуалисты, настолько мы крайние общественники.

19. Новое общество это не маленькие общины или союзы, которые „не чувствуют потребности в увеличении своего размера“ (Годвин, и др.). Старый предрассудок и заблуждение о маленьких пространствах необходимо отбросить, как изживающий себя атавизм, как наследие средневековья. Прежде всего максимум пространства (иначе мещанство). Лишь на огромных пространствах всеединство людей может осуществлять великие действия. Биокосмическое о-во всеземно, интерпланетарно.

20. Биокосмическое общество максимально свободно. Поставленная проблема требует от человека страшной свободы. Человек (человечество) никогда так не предоставлялся самому себе, как в биокосмизме. У него нет надежды на бога, на загробную жизнь. Он стоит лицом к смерти, как обычной реальности, и это зло он должен победить без помощи извне (свыше), сам, вполне реальным, своим путем.

21. В биокосмизме люди об'единяются, как соратники, ибо соратничество наиболее творческое взаимоотношение. Соратничество противоположно братству, как нетворческому взаимоотношению. В братстве отношения даются наперед, предрешены природно, потому здесь нет творчества. В соратничестве ничто не дано, но достигается, создается. Братство — консервативный, нетворческий, изживаемый принцип. В нашем боевом напоре в бессмертие и космос мы утверждаем не братство, но соратничество *).

*) Невежды, по наслышке знакомые с „философией“ Н. Федорова, и враждебные нам элементы не прочь упрекать нас в близости к Федорову. Оставляя

22. На пути к биокосмизму мы опираемся на революцию, на действие и пафос революционного класса. Биокосмизм родился в бурном взрыве революции, мы неотделимы от революции, и в ней наша опора. Биокосмический порядок вещей явится в результате победы революции. Целью революции является уничтожением классов, что составляет необходимую предпосылку для постановки проблем биокосмизма во всеземной полноте. Но биокосмизм, как максимальная программа, уже теперь необходимо может способствовать единению, воодушевлению, победе революционного класса.

„философию“ Федорова до специального очерка, заметим пока, что биокосмизм возник совершенно самостоятельно, вне знакомства с этой „философией“, а в дальнейшем, ознакомившись с нею, мы увидели, что она нам совершенно чужда.

Ф-ов, согласно чуждому нам религиозно-платоновскому дуализму, исповедует два мира — один совершенный, божественный, другой человеческий, в который, согласно библии, вошла смерть, и дело человека сводится к борьбе со злом, со смертью, в форме восстановления праха отцов. Мы же, зная один реальный незаконченный мир, исходим из реализации личного бессмертия живых и интерпланетаризма, базируя прежде всего на этом наше „общее дело“, воскрешение же отодвигаем на третье место. Для Ф-ва проблемы реализации личного бессмертия (центральной в биокосмизме) вовсе не существует, и все сводится к воскрешению, все исчерпывается им, подчиняется ему.

Воскрешение — единственный пункт, в котором мы пересекаемся с Ф-вым, но это лишь внешнее пересечение в термине, но, по существу, здесь у нас с ним столько общего, сколько с любым попом, говорящим по своему о бессмертии, т. - е. ничего общего нет. Воскрешение понимается им крайне наивно, в самой грубой форме материализма — атомизме, как архиутопическое собирание распылившихся атомов „в тела отцов, какие они имели при кончине“ (что, в сущности, отнюдь не устраняет смертности восстановленных тел, представляя собою сизифову работу). Это не творческое преобразование, но механическое восстановление. Мы же исходим из чуждой Ф-ву идеи творчества. Биокосмизм, не ограничиваясь практикой в пределах существующих законов и свойств материи, ставит целью

23. Считая, что на пути к биокосмизму будет изжито государство, мы в то же время подчеркиваем необходимость положительного отношения к советской системе. Советское государство нельзя смешивать с государством буржуазным. С одной стороны, советы—необходимая организация революционной борьбы против старого мира. С другой—они являются носителями функции борьбы с природой, т.-е. содержат в себе тенденцию к биокосмизму.

В переходное время советы, конечно, не могут целиком стать органами борьбы с натуральным гнетом. Они должны выполнять функцию борьбы со старым миром, в форме диктатуры (в переходное время диктатура необходима и целесообразна). Отсюда неизбежно некоторое принуждение, но это принуждение совсем иного порядка, его нельзя расценивать, как принуждение в буржуазном го-

изменение самих законов бытия, материи творческою силою человека (без соловьевски-трубецковско-беловской благодати свыше). Лишенная идеи творчества, утопия Ф-ва нам органически чужда, что, между прочим, выражается в нашем отрицании дорогого Ф-ву „братства“, как нетворческого взаимоотношения людей, и в утверждении **соратничества**.

Представление о двух мирах, божественном и человеческом, привело Ф-ва к полному оправданию царизма. Его „философия“—последняя (довольно архаическая) попытка спасти царизм и православие. Ф—в был порождением православия и царизма, в форме несложной и спутанной программы уездного учителя. На этой программе „закона божия“ и легкого знакомства с естественными науками построена вся его „философия“. Тут божественное и человеческое смешаны в неразрешимом и незамечаемом им противоречии и непоследовательности.

Революция обнаружила всю абсурдность попытки Ф-ва спасти царизм и православие. И от „философа“ ничего не осталось, если не считать живых мертвецов от интеллигенции, уныло посвистывающих в дудку национально-кадетской „философии“, да немногих „федоровцев“. Если для первых Ф-ов лишь один из аргументов в пользу их „программы“, то для других, как для эпигонов, он—шаткая библия, обрекающая их на безнадежное балансирование между православием и атомизмом.

сударстве. Все возражения против государства, как системы насилия, подавления индивидуальной свободы и т. д., по отношению к советскому государству не имеют смысла.

Старая форма государства отходит в прошлое. Новая советская форма является иной по своим целям, путям. Советская система, в принципе гарантируя освобождение человека от ига внешней природы, уже теперь способствует росту личной сознательности, освобождая личность от ига традиции. Возрастает сознание личной свободы и ответственности, как результат советизации, связи. В советах люди связываются в силу сознания важности совершающейся борьбы, которая требует выдержки и дисциплины. В советах человек учится уважать другого и самого себя, а буржуазное общество, как общество господ и рабов, исключает должное взаимное уважение.

Мы полагаем, что по скольку функция борьбы со старым миром, по мере побед революции, будет отпадать, постольку в советском государстве будет возрастать функция борьбы с гнетом натуральным, и что обе функции, обозначая путь к биокосмизму, подсказывают постановку проблем иммортализма и космоплавания теперь же в повестку дня.

Александр Святогор.

Три штиля.

Биокосмизм, как художественное направление, в корне отличен от современных поэтических школ. Прежде всего идеологически. Символизм (и имажизм), как идеология, исходит из той гносеологической предпосылки, что реальность доступна сознанию только в форме символа или образа („мир, как представление“): гносеология дворянина, хуторянина, обывателя. Мы же гносеологически утверждаем реализм, для нас вещь есть вещь, и в этом наше здоровье и сила. Футуризм в чистом виде, как он дан у Маринетти (мировоззрение капиталистически бодрое, как этика буржуазного гедонизма) по природе своей чужд революционному классу и биокосмизму. Российский футуризм, в сущности, футуризированный символизм. Остальные поэтические группировки, несмотря на все обилие их, идеологически совмещаются с футуризмом и символизмом. Они нам совершенно чужды.

Гносеологически мы реалисты. Наш метод художественного «познания» мира—не фабрикация символов или образов. Мы знаем вещь, как вещь, и если пользуемся образом, то он для нас только один из многих приемов конкретизации и архитектуры наших художественных вещей.—Но центральной проблемой в нашей идеологии является этика, как творчество в направлении великих целей биокосмизма. Поэтому, хотя мы утверждаем действительность, как вещи, но не базируемся целиком на ней, не исходим из данности, но руководствуемся великой целью. Наш мировзгляд—телеологический реализм, чем обуславливается наше отношение к языку, наш штиль.

Мы утверждаем высшую динамику жизни, динамику к великой цели, и потому для нас современный стиль (символизм, футуризм и пр.) слишком архаичен, черезчур классичен, реакционен. Но, учитывая современную обстановку, характер окружения и задачи пропаганды биокосмизма, мы не пренебрегаем современным стилем, издеваясь над ним и ломая его. Не пренебрегая им, мы имеем в виду некоторый революционный результат. Содержание наше слишком противоречит этой форме, обнаруживая фальшь и реакционность ее через контраст с нею. Биокосмическое содержание не укладывается в эту форму, ломает ее. Но и тут очевиден наш прием пользования словом, как вещью.

Слова мы берем не как символы или образы, но как реальности, вещи.¹ У нас нет искания образа в слове, раскрытия его в корне слова, «обличения вещей невидимых». У нас нет этой мистики языка, что придает нашим «стихам» трезво реалистический (но отнюдь не мистически—образный) характер. Это и не натурализм, раз мы отправляемся не от данности, но от цели.

В «Биокосмической поэтике» мы объявили, что «наши основные понятия стиля вытекают из биокосмического идеала», что «центр нашего внимания не отдельные слова, но *ряды слов*, не столько этимология, сколько синтаксис», что «нам нужен новый синтаксис». Биокосмизм вообще утверждает крайнюю индивидуализацию и в то же время максимальную социальность. То же и в языке: индивидуализация и новая социальность (синтаксис) слов. Первое и второе единовременны, органически едины, одно из другого вытекают, одно другим подтверждаются. Но это особая, биокосмическая индивидуализация и социальность слов.

Есть индивидуализация образно-символическая (мистическая): слово индивидуализируется через раскрытие, воскрешение его первичного значения; утверждается образ слова, вне его «социальной» связи. Такая индивидуализация обнаруживает все признаки мещанского партикуляризма в языке. Она, в сущности, исключает высшую социальность слов (интерпланетаризм), узаконяя самое большее только общину слов (эсеровщина стиля.)

У нас индивидуализация не через воскрешение—восстановление (не—творчество) образа слов. Но: творческое воскрешение слов, точнее: творческое омоложение слов, без всякой мистики, строго реалистическое, под знаком великой цели. Индивидуализация через *ряд*, через новую конструкцию рядов (новый синтаксис), через организацию рядов в „художественные организмы“.

Если наша индивидуализация слов выражает иммортализм в языке, то примат „художественного организма“, как целого, выражает интерпланетаризм нашего стиля.

Иммортализм и интерпланетаризм языка, стиля—вот наша точка зрения. Она ведет к революционному освобождению от привычек языка (главным о. синтаксических), ведет к новому, биокосмическому стилю: 1) стилю творимому уже теперь и к 2) стилю предчувствуемому, грядущему.

Итак, мы утверждаем *три* штиля: *A*, *B* и *C*

A—в пределах данного языка, как пропаганда и контраст (содержание противоречит форме).

B—ломка привычек языка, выход из данного языка,—ныне творимый штиль (индивидуализация слов, интерпланетаризм стиля).

C—предчувствуемый, отчасти уже творимый штиль, как междометие (в широком смысле) бессмертных соратников в космосе и встающих из могил.

Отсюда, (помяная $2\frac{1}{2}$ Интернационал), легко представить штиль $A\frac{1}{3}$, $A\frac{1}{2}$, $A\frac{2}{3}$, $B\frac{1}{3}$ и т. д.

Примеры: 1) Штиль *A*—Нами опубликованные художественные организмы.

2) Штиль $A\frac{1}{3}$ —„Луна“ (см. „Биокосмист“ № 1).

3) Штиль *B*—Вот отрывок из нашего (А. Святогор) (1921 г.):

Времени до.

Дзет некто—
Стать ему биокосмистом—
В лет 20
Оцеживал крик Петуха.
Прежде ступить чем
Эту на стезю—
Должное на расстояние
То отшвырнуть
Душой исжито что
Хламу что.
Дырявую точно калошу
Уже заплат для непригодную
Ненужную
Хотяб что лето
Сухая и погода—
Чрево Дзет в помойное
Швырнул Заратустру.
Это сверхчеловек
Случае сорт даже в лучшем
Только второй.
Оно времени до приятная
Игрушка только
Ударами обруч управляемый палки.

Июнь расмяк
Собаке пластом подобно.
Нет ему
Ни Заратустры до
Ни Дзета до—
Стать ему биокосмистом.—
Шутка ведь не
В уже цвести закончено
Вгнетать материю
Солнце на

Колос в ржи каждый.
Пот хвостом слегка
Мух и отмахивал
Назойливых и
Более
Сверхчеловеки чем вместе.

Или у В. Зикеева: „спицами звезд—пожарным
лестницам как“, „земли ощутить не — ткнетесь
взрывать когда“, „бы упереться звезды“ и др.

Александр Святогор.

От Секретариата К. Р. и М. А.—Б.

В № 17 „Вольной Жизни“ безответственная группа лиц, именующих себя „Секретариат всероссийской секции анархистов-универсалистов“, ссылаясь на помещенную в № 4 „Известий ВЦИК“ нашу декларацию, в своем бессилии бороться с нами в сфере мысли, прибегает к весьма избитому приему борьбы, об'являя нас захватчиками „имущества анархической организации“, за что нас предает „общественному позору“.

Входя в 1921 г. в состав центральной организации универсалистов, мы, анархисты-биокосмисты (меньшинство), убедившись, что неопределенное и двусмысленное поведение большинства стало хронически безнадежным, не считали для себя возможным более нести ни моральной, ни политической ответственности за деятельность организации. В результате наступившего распада организации, вследствие идеологического и тактического банкротства ее, мы, оказавшись единственно правомочной группой с членом секретариата А. Святого-ром, решили положить конец безнадежному положению вещей, выступив со своей декларацией. Мы действовали в силу революционной этики, полагая, что вредный для революции и здорового анархизма элемент подлежит отсечению. В то же время, имея право на имущество и помещения распавшейся организации, мы, во избежание недоразумений, этим правом не воспользовались.

Идейное и тактическое банкротство „универсалистов“ очевидно. Но в данном случае мы видим,

что с ними вполне солидаризируется „Всероссийская федерация“, т. к. они выступают не только от себя, но и от „федерации“, заявляя, что мы не только с ними, но и с „анархистами Всероссийской федерации“ ничего общего не имеем. Оно и понятно.

Подчеркивая необходимость решительной ревизии теории и практики старого анархизма, подняв знамя новой идеологии на принципе личности, утверждающей себя в бессмертии и в космосе, полагая, что в переходное время диктатура необходима и целесообразна, положительно относясь к революционной Советской власти и считая, что в условиях революции необходима ясная и отчетливая тактическая линия, мы, анархисты-биокосмисты, не могли, понятно, оказаться по вкусу разлагающимся эпигонам старого анархизма, под прессом авторитетов прошлого утратившим способность самостоятельной оценки вещей, и, в борьбе с инакомыслящими, прибегающими к весьма избитому, неубедительному и жалкому приему нелепых обвинений в захвате, авантюризме и провокации.

Вызов „Федерации“ мы принимаем и констатируем, что, в результате усилившегося в последнее время процесса расслоения анархических сил, определились два лагеря. С одной стороны—эпигоны, возглавляемые „Всерос. Фед.“, с другой—новая здоровая формация (биокосмисты, другие группы и ряд отдельных анархистов). Принимая вызов „Ф.“, мы констатируем, что т. о. создается необходимая в революционной обстановке ясность и определенность позиций и призываем свежие и самостоятельные анархические силы к объединению и стойкой организованности на новых началах.

Просьба к русской и заграничной печати дать место этому письму.

Секретариат.

Настоящее заявление помещено письмом в редакцию „Известий ВЦИК.“ (№ 128, 11 июня 1922 г.).

Орех, недоумение и камни.

Мы преподаем великий урок, но его туго усваивают. Орех биокосмизма не по зубам среднему человеку. Мы, быть может, больше, чем следует, уважаем средние мозги, надеясь, что они должны же, наконец, зашевелиться и дотянуться до биокосмизма.

Нас упрекают, что мы в печати и выступлениях ошарашиваем публику. Даем обстоятельные статьи, доклады—и вдруг «Евангелие от Кобылы» или «Возлюбленная», родившая 13 дюжин биокосмистов, и прочее зверье. Публика недоумевает. Но сами посудите: кто решил овладеть космосом, тот должен обладать звериной силой. Бестиализм и биокосмизм—«это один упруго смотанный клубок». Бестиализм прост и понятен. Но средний человек недоумевает. Он любит умеренность, а мы неумеренны.

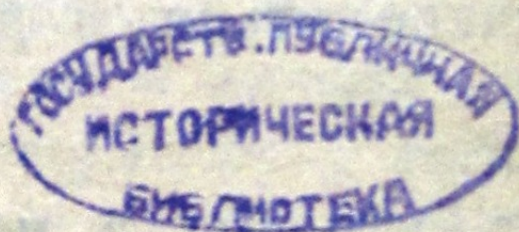
Упреки непонимающих досадны. Но бывает похуже.

Что может быть выше и прекраснее биокосмизма? Но пророков всегда побивали камнями. Камни летят со всех сторон. Толстовцы и анархисты, рясы и женщины, поэты и поэтики, обыватели и критики, непы и непчики, знакомые и прохожие—все норовят ущипнуть биокосмизм. Ужасное

положение. Мы как остров, а со всех сторон негодующее и враждебное море. Море недомыслия, убожества, клеветы и лжи, насмешливой глупости, злопыхательства и тупости.

Если бы не оптимизм наш, не веселый дух, то куда там бессмертие и космос—давно были бы на Ваганьковом. Но если камни, то камни. Тем лучше: камни летают обратно. А мы еще в детстве учились бросать мячами и булыжниками.

Петр Лидин.

БИОКОСМИСТ.

Орган организации:

КРЕАТОРИЙ
РОССИЙСКИХ и МОСКОВСКИХ
АНАРХИСТОВ—БИОКОСМИСТОВ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Александра СВЯТОГОРА.

Журнал выходит с марта 1922 г. Изданы: № 1 (март), № 2, (апрель), № 3—4 (май—июнь).

А. Святотор, В. Зикеев, А. Агиенко, Э. Грезин, В. Анист, П. Лидин, Н. Дегтярев, П. Митурич, Г. Миненская, А. Эгерт, З. Огонь-Догановская, Яловский, Буяльский, Н. Святотор, С. Исаков, Басов, Н. Филимонов, Зильбер и др.

Книги биокосмистов:

1. А. Святотор, Стихеты о Вертикали. М., 1914 г.
2. А. Святотор, Петух Революции. М., 1917 г.
3. А. Святотор, Жеребец (уничтож. авт.) М., 1919 г.
4. Биокосмизм, (материалы № 1) М., 1921 г.
5. А. Святотор, Два. М., 1922 г.
6. О. Агиенко, Вильний театр (на укр. яз.). М., 1917 г.
7. О. Агиенко, Революция духа (на укр. яз.). Киев, 1917 г.

Готовы и готовятся к печати след. книги.

Временный адрес для справок, корреспон. и проч.:
Москва, Б. Дмитровка, д. 13.

Цена 400 р.

Типография Московского Губернского Союза Рабоче-
Крестьянских Потребительских Обществ, Мясницкий
проезд, 2. Тел. № 1—54—45.